

SOS "Спасите наши души"

Алексей Подойницын

Алексей Подойницын

SOS "Спасите наши души"

<https://litres.ru/71291062>

SelfPub; 2025

Аннотация

Эта книга о том, как обычный возрастной московский таксист, в общем-то, уже проживший свои лучшие годы и всё, что приобрёл на этом жизненном пути, уже растерявший, доживая своё, вспоминает прожитое и размышляет на тему: почему так всё в его жизни коряво получилось

Алексей Подойницын SOS "Спасите наши души"

СПАСИТЕ

НАШИ

ДУШИ

(записки московского таксиста)

г. Реутов 2023 – 2024 гг.

Автор – Подойницын Алексей Васильевич

Глава 1

«УТРО»

За окном явно знойный июльский полдень.

Стекла больших (выше человеческого роста) венецианских окон старинной залы, кажется, вот-вот начнут плавиться от жары, настолько они, как и всё вокруг пропитаны этой лучистой энергией. Какие -то необычайные свет и тепло разлиты повсюду вокруг, разлиты совершенно неэкономно, просто по-царски...

А за окнами утопает в воздушной белой пене бесконечный цветущий яблоневый сад, там, должно быть сейчас в траве всюду стрекочут очумевшие от своего маленького сытого счастья зелёные кузнечики, деловито жужжат трудяги пчёлы, или их мохнатые родственники – шмели, порхают разноцветные бабочки...

Там покой...

Там дурманивший, сладковатый аромат летнего изобилия...

А здесь тишина, тишина похожая на ту, что устанавливается в коридоре школы после шумной перемены с началом очередного урока...

Я неспешно разглядываю эту большую залу: с высоких потолков свисают хрустальные (конечно же, хрустальные, а какие же ещё?) люстры, на стенах меж окон в больших, явно тяжёлых рамах портреты неизвестных мне военных. Разноцветные мундиры военных увешены разными орденами и медалями, украшены красивыми лентами. Военные сурово, сдвинув брови, внимательно смотрят на меня, и мне даже как-то неловко под их взглядами, будто я перед ними в чём-то провинился. На полу наборный дубовый паркет. Мне так и видится, как ещё совсем недавно на нём вытанцовывали мазурку благородные дамы, в своих великолепных нарядах подхваченные руками услужливых кавалеров в строгих смокингах или военных мундирах. За карточными столами судачили чопорные старухи, наводящие свои лорнеты на неуго-

монную молодёжь...

Лакеи в ливреях...

Музыканты на хорах...

Наверняка тут как-то случился первый бал у местной Наташи Ростовой с её Болконским...

Мне как-то особенно хорошо и покойно тут, и это моё, умиротворённое состояние мне самому немного удивительно, впрочем, мысль эта проходит мельком, не цепляя.

Я вижу, как с другого конца зала ко мне идут двое: седовласый, благообразного вида старик с белой окладистой бородой ведёт за руку мальчика лет пятнадцати. Они (это понятно сразу) давно знают друг друга, и мальчик вполне доверяет старику, и скорее всего они даже родственники. У меня где-то внутри уверенность в том, что я их должен знать (во всяком случае, мальчика этого я точно раньше где-то видел), но мысль эта меня несколько не удивляет. Я с интересом смотрю, как эта колоритная парочка не спеша подходит к большому столу (странно, почему я раньше не обращал на него внимание) уставленному различными кубками и заваленному разноцветными медалями.

– Ну, вот они, все призы сразу. – Говорит старик, с доброй улыбкой глядя на своего молодого спутника.

Мальчик какое-то время заврожено разглядывает все это богатство, берёт в руки то одну медаль, то другую, с интересом перекладывает их в своих руках и кладёт на прежнее место.

Наконец мальчик указывает на один из самых больших и красивых кубков и спрашивает.

– Этот кубок для кого?

Старик смотрит на мальчика и неожиданно говорит.

– Он может быть твоим.

– Дааа?! – восхищённо тянет мальчик.

– Да. – Просто говорит старик. – Этот кубок получит выдающийся спортсмен.

Он помолчал и потом продолжил.

– Олимпийский чемпион... ну или, скажем, чемпион мира. Вот ты, например. У тебя же в спорте очень хорошие результаты, в Москве ты первый уже который год? Твои два тренера ссорятся из-за тебя, а почему?

– Почему?

– Потому что видят твой потенциал. Так что продолжай, старайся, ведь тебе самому борьба нравится?

– Нравится. – Соглашается мальчик. – Очень...

– Ну, вот и вперёд! Москва – рубеж пройденный, дальше чемпионат страны, а там Европа, Мир и этот кубок твой. Всё просто.

Мальчик мечтательно разглядывает кубок и видно, что задача обозначенная стариком ему кажется вполне себе выполнимой, я бы даже сказал обязательно выполнимой, и ему просто чуть досадно того, что этот чудесный кубок, прежде чем попасть к нему в руки должен ещё какое – то время здесь постоять.

– А этот для кого? – Указывает мальчик на другой, такой же большой и не менее красивый.

– Этот? – Лицо старика трогает добрая улыбка. – Этот кубок получит хороший писатель за хорошо написанную книгу.

Мальчик что-то себе мыслит, обдумывая услышанное, чуть смущённо морщит свой лоб.

– Выходит, чтобы получить этот приз нужно написать новую «Войну и Мир»? – Вступаю я в разговор.

– Ну почему сразу – «Войну и Мир» – Спокойно возражает старик, ничуть не удивившись моему присутствию в этом разговоре. – Лев Николаевич – это глыба! Такие писатели рождаются не в каждое столетие. Вот дядя Гиляй, например, написал «Москва и москвичи», и это как бы даже не литература, а народ читает, читает с удовольствием, значит не зря он бумагу марал. И ты тоже можешь что-нибудь стоящее написать. – Обращается он опять к мальчику. – И тогда этот кубок я тебе подарю. Ведь можешь же...

Мальчик в ответ только улыбается.

Я вдруг вспоминаю как «разволновалась» наша училка по литературе в десятом классе, когда прочла моё сочинение на свободную тему о противопоставлении творчества поэтов Маяковского и Есенина. Как она, испросив у меня (как у настоящего взрослого) разрешения прочитать моё сочинение вслух всему классу пригласила на это прочтение нашу классную Эльвиру Иосифовну и саму директрису, а потом, после

прочтения, при всём классе, при нашей классной и директрисе наставляла меня на моё будущее литературное творчество, будучи абсолютно уверенная в том, что автор такого сочинения непременно в будущем должен стать писателем...

– А этот кому? – Мальчик похоже только для того что бы сменить тему тычет в очередной кубок.

– Этот? – старик медлит. – Этот, пожалуй, получит знаменитый путешественник...

– А этот?

– Просто хороший семьянин.

Похоже, мальчик слегка разочарован.

– Просто хороший семьянин? – Повторяет он. – Разве за это тоже кубок дают?

Старик внимательно смотрит на мальчика, и добрая улыбка медленно тает на его лице.

– Запомни, – Наконец говорит он своему маленькому собеседнику. – любое серьёзное дело, если оно делается основательно и с должным прилежанием, в конце обязательно будет иметь результат достойный кубка.

– «Если долго мучиться что-нибудь получится». – Опять влезаю я в разговор, вспомнив слова одной весёлой песенки.

– Да. – Просто соглашается со мной старик, даже не взглянув в мою сторону.

Мальчику, по-моему, становится неинтересно, но он вежливо соглашается со стариком легким кивком головы.

Старик ласково треплет его по вихрастой голове и гово-

рит.

– Что, насмотрелся? Ну и ладно, а теперь пойдём, нам пора...

Я смотрю, как эта странная парочка отходит от стола, даже не взглянув в мою сторону, как они неспешно опять переходят эту залу, подходят к большим двустворчатым дверям в её конце. Я вижу, как старик тянет на себя большую бронзовую ручку двери, дверь поддаётся, а прямо за ней оказывается тот самый сад, залитый каким-то нереально чистым и тёплым светом... Я прямо физически ощущаю всю прелесть знойной полуденной неги этого сада, куда, пропустив вперёд мальчика, уходит и старик, а дверь за ними медленно возвращается на прежнее место...

.....
Я открываю глаза...

В полутёмной комнате угадываются знакомые предметы: прямо перед кроватью стул с наброшенной с вечера одеждой, чуть дальше стол, на столе бутылка недопитого шампанского, рядом на тарелке ломтики шоколадки...

дальше шкаф...

Сознание медленно возвращает меня в реальность.

Я лежу на диване, закутавшись в своё тонкое одеяло (бывшее когда-то туристическим спальником), а за занавешенным окном угадывается позднее морозное утро...

«Батюшки! Так это, оказывается, был просто сон!» –
Вдруг догадываюсь я.

«Сон?..»

Но какой натуральный сон!

Я, проснувшись, как будто просто открыл дверь и перешёл из одного помещения в другое. Там, за дверью была эта залитая солнцем зала, там были эти старик и мальчик, а здесь... вот она – моя съёмная комната, в которой я живу последние полтора года. Но там (как и тут) я натурально только что присутствовал...

«На сон совсем не похоже...»

Слишком, слишком не похоже на сон...»

Некоторое время я ещё лежу, стараясь «переварить» только что виденное, понять, что же это было, но, не придя ни к чему вразумительному, переключаюсь на окружающую реальность.

.....

Я знаю, что за пределами моей постели холодно, и что всё равно мне придётся покинуть этот уютный, нагретый за ночь теплом моего тела кокон. Я медлю, а куда мне торопиться? Мне теперь (Слава Богу!) не нужно к определённому времени бежать через весь город на очередную работу, как я это делал почти всю свою сознательную жизнь. Всякий раз, когда в прошлом мне приходилось к шести, семи или восьми утра успевать на работу – это всегда был микростресс, и из этих микрострессов состояла большая часть всей моей прожитой жизни.

Теперь не так.

Теперь я водитель такси частного таксомоторного парка, машина ждёт меня под окном моей комнаты, и я сам решаю, когда и сколько буду сегодня работать. Начальство вижу не чаще одного раза в неделю, техническое обслуживание, налоги, страховки, лицензии, сезонная смена резины – всё это не моя головная боль, а их. Моя же задача вовремя (т.е. ежедневно) платить аренду за машину и не попадать в аварии и другие неприятные истории, вот и всё. Правда, что бы заплатить аренду машины, эту самую аренду нужно сначала заработать, а что бы заработать эту самую аренду, сначала машину нужно заправить и помыть и на это тоже нужны деньги... Короче, что бы что-то заработать себе, на свой карман, или устроить себе, скажем, выходной нужно сначала шесть – восемь часов отпахать на «контору». А по-другому никак. Кто-то скажет: «Тоже себе работёнка!» Да, соглашусь я, но, поработав много где, я вам скажу, что даже такая, относительная свобода дорогого стоит. Наверное, нигде не бывает всё хорошо или всё плохо, но тут плюсов всё же явно больше чем минусов.

«Свобода...

Как все стремятся к тебе...

И как все тебя по-разному понимают...»

И всё же нужно вставать.

Совершив над собой усилие, я отбрасываю в сторону тёплое одеяло и сажусь на диване, опустив ноги на холодный линолиум пола. Несколько минут сижу в таком положении,

прислушиваясь к тому, как моё тело вживается в эту новую холодную реальность. Нашупав ногами тапки, сую в них ноги и, качнувшись, встаю.

Всё, новый день начался.

.....
А дальше всё – как и всегда.

Сначала туалет, с обязательной партией в шахматы в моём телефоне, затем небольшая зарядка из нескольких базисных упражнений (амплитуда движений почти стариковская, суставы скрипят и щёлкают как не смазанные и эта отдышка после нескольких простых наклонов и приседаний – всё напоминает мне о том, что мне уже давно за пятьдесят), и в душ.

Душевая кабинка узкая, неудобная (хозяйка, готовя эту половину своего дома под сдачу в наём, конечно же, минимизировала свои расходы). Сливая первую воду, чищу зубы и, ёжась от холодных брызг, что летят с поддона мне на голые ноги, жду «тёпленькой».

Наконец, вода в кране начинает постепенно нагреваться, я переключаю вороток смесителя с крана на лейку и с удовольствием встаю под тёплую струю.

Благодать!..

Тёплый душ (да ещё в морозное зимнее утро) – это, безусловно, одно из базисных достижений современной цивилизации...

Но долго блаженствовать не приходится (итак хозяйка

ворчит мне на то, что с моим заселением к ней она стала гораздо чаще заказывать откачку своего колодца), поэтому наскоро вымыв с мылом всё тело и ещё немного помедлив, я опрокидываю свои песочные часы, что стоят тут же, на полке и, невольно задержав дыхание, закрываю горячую воду, а холодную открываю на максимум...

Вообще-то, стаж закаливания у меня исчисляется десятилетиями, но всё равно в первое мгновение, когда на тебя обрушивается поток ледяной воды, обжигая всё твоё тело трудно не закричать. Это как будто тебя током шандарахнуло.

– С Богом!

– Во имя Твоё, Батюшка!

– Во славу Твою!

Нервно шепчу я самому себе, сбиваясь от перехватывающего дыхания.

И становится легче...

Эта закаливающая экзекуция приобретает смысл маленькой аскезы что прибавляет и сил, и терпения.

От ледяной струи воды, льющейся на мою голову, начинается, как железным обручем сдавливать череп, я снимаю лейку со штатива и начинаю обходить ей всё тело по частям. Сначала левую руку (запястье и локоть, потом плечо и подмышку), затем так же правую, затем шею, грудь, живот.

Я знаю, что в это время года вода в кране не может быть выше 4 – 5 градусов. Раньше, когда я ещё жил в своей квартире, я каждое утро наливал себе полную ванну холодной

воды и всякий раз, прежде чем, задержав дыхание, погрузиться в неё, я изучал шкалу плавающего в ней термометра, и с ноября по март включительно, температура воды никогда не поднималась выше. Но, то была водопроводная вода, которая течёт по трубам в подвалах жилых домов, а эта, из артезианской скважины, да ещё в такие морозы будет, пожалуй, ещё холодней.

Бросаю взгляд на часы, весь песок находится ещё в верхней колбе (даже воронка сверху почти не просматривается) а это значит, что не прошло пока и минуты ...

Струя холодной воды медленно продолжает своё путешествие по моему телу.

Теперь бёдра, голени (я давно заметил, что легче всего холодную воду переносят именно ноги) и опять голова, до болезненных ощущений, спина (главное хребет, прямо от затылка до самого копчика), руки, грудь, живот, ноги, промежуток.

Под бьющей ледяной струёй мой бедный анус стремится съёжиться до абсолютно малой величины.

«Эх, не знал я раньше такого простого и эффективного метода лечения геморроя, а то бы никогда не лёг на ту дурацкую операцию...

Да уж...

более срамную процедуру для мужика, чем операция по удалению геморроидальных узлов представить сложно...»

.....

Предоперационный осмотр.

Я стою в смотровом кабинете. Кабинет как кабинет: стол, медсестра за столом что-то заполняет в журнале, кушетка, стеклянный шкаф с инструментарием, ширма. Всё просто, без излишеств.

Осмотр будет проводить тот самый хирург, здоровенный кавказец с волосатыми руками, кто был сегодня на утреннем обходе, «Кандидат медицинских наук, наше местное светило» – как отозвалась о нём медсестра. Вспомнилось как он на утреннем обходе, бросив взгляд на мои поломанные уши, спросил меня какой борьбой я занимался, и, получив ответ, с интересом ещё раз взглянул мне в глаза, задержавшись около меня чуть дольше, чем следовало (видно хотел ещё что-то спросить, но передумал).

Сестра, не глядя на меня, предлагает мне пройти за ширму и раздеться.

Через минуту в кабинете появляется хирург, а сестра (Слава Богу!) куда-то выходит.

Врач бегло оглядывает мою вполне ещё спортивную фигуру и отворачивается к стеклянной этажерке с медицинскими инструментами.

– Вставайте на кушетку на четвереньки, – бросает он мне, перебирая свои железяки.

Стыд, беспомощность, неотвратимость этой позорной экзекуции – вся эта мешанина чувств и путаных мыслей погружает меня в состояние близкое к гипнозу, и я медленно за-

лезая на кушетку, одновременно наблюдая как врач выбирает из кучи хромированных железяк что-то вроде трубы («О, ужас! ну и размер!») и поворачивается ко мне.

— Ну что медлим? Вставайте на четвереньки, лицом от окна. — И всё это так буднично, по-простому, я бы даже сказал совсем без интереса.

Окончательно поняв, что чуда не произойдёт и этой процедуры мне не избежать, я подчиняюсь... Чувствую, как эта чёртова труба раздвигает мой анус...

Стыдное чувство перебивает болевые ощущения.

— Клизму как я говорил, ставили?

— Да, — выдавливаю я.

— Плохо почистились...

Я молчу, как виновато молчит вызванный к доске ученик, не выучивший урока.

А через пять минут я уже с облегчением одеваюсь за ширмой.

— Всё у нас с вами хорошо, без патологий. В среду на операцию.

— Уже в среду? — С одной стороны мне хорошо от того, что на сегодня всё закончилось, а, с другой среда — это же совсем скоро, и всё это безобразие опять...

— Да, в среду, а зачем тянуть? В среду прооперирую и на следующей неделе, Бог даст, домой поедите. Сестра вам всё подскажет. Можете идти в палату.

За ширмой врача мне не видно, но он почему-то представ-

ляется мне стоящим у окна кабинета и скучая наблюдающим за будничной жизнью больничного двора.

В коридоре сталкиваюсь с главным балагуром из нашей палаты, Андреем, парнем не многим старше меня, заработавшего себе геморрой на строительстве собственной дачи, как он всем рассказывает, которого сестра ведёт на моё место.

– Ну что, Леха, – весело приветствует он меня, – ты уже не мальчик?

– Наверное, уже нет... – Пытаюсь подыграть ему.

– А я видишь следующий. Там на доске ничего не трогай, у меня там выигрышная позиция и мой ход, вернусь – доиграем. И он скрылся за дверью кабинета.

.....
Среда. Операционный день.

Вместо завтрака нас, пятерых, назначенных сегодня на операцию, собирает хирург.

– Всем доброго утра, как настроение?

– Бодрое. – За всех отвечает Андрей.

– Это хорошо, а самочувствие?

– Нормальное. – Опять за всех отвечает он.

– Ну, вот и ладно... Значит всё по плану, сегодня я вас всех прооперирую.

Хирург бегло пробежался по лицам всех пятерых, и его взгляд опять задержался на мне (как мне показалось, он понял моё внутреннее волнение).

– Первым будет он. – Хирург указал на меня и вышел. Все, кажется, облегчённо выдохнули...

– Везёт тебе, Леха, первым отмучаешься. – Поддержал меня наш штатный балагур.

Я криво улыбаюсь в ответ. Состояние как перед выходом на схватку.

Через полчаса за мной приходит сестра, и мы идём с ней в операционный блок.

В операционной к моему удивлению никаких столов, на которых в кино режут больных, а по центру стоит что-то вроде женского смотрового кресла с хирургическим светильником над ним, стеклянные столики, шкафчики и обязательная ширма с кушеткой.

И две молоденькие ассистентки...

– Здравствуйте! Проходите за ширму и раздевайтесь. – Говорит мне одна из сестёр, та, которая, постарше. И через минуту. – Готовы?

– Готов.

– Выходите.

Выхожу, прикрывая ладонями низ живота.

– Проходите и ложитесь в кресло. – Говорит всё та же, говорит с деланно безразличной интонацией.

Я медлю, чтобы забраться в это кресло мне нужны руки, а ими я прикрываю своё «достоинство».

– Давайте, давайте! – Подбадривает меня она. – Не одним нам, женщинам на нём лежать.

Делать нечего, я залезаю на это приспособление, стараюсь не смотреть в сторону медсестёр, ложусь на спину и опять прикрываю низ живота ладонями. Ловлю насмешливый взгляд медсестры и отворачиваюсь («Чёрт с вами, делайте теперь что хотите»).

Икры моих разведённых в стороны ног ложатся на мягкие подставки и медсёстры фиксируют их какими-то ремнями. Из боковой двери появляется хирург.

– Готов?

– Да – отвечает рыжая медсестра (я только сейчас увидел, что одна из них, та что постарше, с ярко рыжей чёлкой, вылезавшей из-под белого колпака, а вторая – помоложе и тёмненькая, скорее всего тоже горянка, как и хирург).

– Тогда за дело.

Саму операцию помню плохо...

Лёжа в этой идиотской позе с раздвинутыми ногами и, прикрывая от молоденьких сестричек двумя руками свой член, я на слух пытался понять, что творит в моей заднице этот колдун в белом халате своими волосатыми руками. Ожидаемой боли почти не было, только временами слышался уже хорошо мне знакомый шелест бьющей струйки крови...

– С этим всё, везите каталку. – Командует хирург и отходит от кресла к окну.

Я с ужасом вижу, что весь его белый передник залит моей кровью. «Будто поросёнка резал» – Промелькнуло у меня в

голове.

– Следующим будет пенсионер, там случай не такой простой, так что не расслабляемся. – Говорит хирург сёстрам и выходит из операционной.

Пока одна из сестёр освобождает мои ноги, другая вкатывает в операционную каталку.

– Ну, вот и всё, давайте перебирайтесь на каталку. – Командует рыжая.

Я опять в затруднении, чтобы перебраться с операционного кресла на каталку, мне опять нужны обе мои руки, а эти сестрички, как мне кажется, этого-то только и ждут... Пытаюсь придумать какой-то выход из этого щекотливого положения.

– Давайте, давайте. – Опять подгоняет меня рыжая. – побыстрее, нам сегодня ещё четверых оперировать. Может вам помочь?

– Сам...

И тут я с ужасом понимаю, что мой член почему-то за время операции приобрел свой максимальный размер...

Вот это номер!!!

Но деваться некуда и я, наплевав на стыд и как возможно быстро (но быстро, оказывается, совсем не получается), перебираюсь с операционного кресла на каталку с досадой замечая, как эти две многозначительно переглядываются, пряча улыбки в углах своих губ...

.....

Я бросаю взгляд на песочные часы и с удовлетворением обнаруживаю – в верхней колбе песка уже нет, а это значит, что пять минут моего закаливания закончились и я, довольный собой, закрываю кран и беру с полки такое сухое и такое мягкое полотенце. Давно мной замечено – чтобы не страдать от такой сильно некомфортной процедуры, как холодный душ, нужно просто мысленно на что-нибудь отвлечься, как в данном случае на эти невесёлые воспоминания.

С чашкой кофе доедаю вчерашнюю шоколадку (по утрам я давно уже ничего не ем, как писал мой кумир Поль Брегг в своей книге «Чудо голодания»: «Завтрак нужно заработать»).

Не спеша одеваюсь. Уже в дверях вспоминаю о непогашенной лампадке перед иконой Святой Троицы, возвращаюсь к ней, читаю молитву «Отче наш» и задуваю этот, так много обещающий огонёк...

.....
Я выхожу во двор.

Дневной свет, искрясь и играя на выпавшем за ночь снеге, бьёт в глаза, слепит. Жмурясь, постепенно привыкаю к этому изобилию белого...

Как всё же много света и снега кругом!..

Какая вокруг величественная тишина и покой!.. И даже хруст снега под ногами не нарушает его.

На минуту мне в голову залетает шальная мысль – не ездить сегодня на работу, а остаться среди этого «белого без-

молвия», взять, скажем, хозяйкиного пса и сходить с ним в поля на долгую прогулку, но вспомнив, что за аренду машины нужно заплатить, вспомнив о том, что очередной платёж за Машино обучение нужно было провести ещё на прошлой неделе, я отбрасываю её и иду откапывать свою «ласточку».

.....

Промёрзшая за ночь машина (а ночью было никак не выше минус двадцати) нехотя, со второго раза, но всё же заводится, и пока мотор прогревается я беру лопату и расчищаю двор перед воротами. Снег лёгкий, но руки в хлопчатобумажных перчатках стынут на обледенелом древке лопаты и опять эта предательская отдышка, мешая работать, напоминает мне о том, что я уже без пяти минут пенсионер. С трудом растаскиваю в разные стороны створки ворот, выезжаю на прочищенный проулок (с утра, оказывается, трактор уже прошёл) и стаскиваю их на прежнее место. Машину настолько проморозило, что даже через куртку и свитер я чувствую холод дермантиновой спинки сидения, а ягодицы с ляжками, кажется, просто сидят на куске льда... Дышки, конденсируясь на лобовом стекле, мешают обзору, а загустевшая трансмиссионка плохо помогает движению, но решение принято и теперь только вперёд!

До трассы Москва – Ярославль пара километров просёлком.

С одной стороны чистое поле, с другой – заиндевеневший красавец лес. Кругом чистый (не городской) снег, он лежит

ровным полотном, блестит и играет на выглянувшем из за облаков солнце.

Снег и слепит, и радует.

Такая кругом первозданная красота!..

Такой кругом покой и порядок...

А впереди, в каких-нибудь двадцати километрах лежит этот урбанизированный, рукотворный монстр, проглатывающий ежедневно миллионы и миллионы человеческих судеб, безжалостно высасывающий у глупых людишек всю их жизненную энергию, беспощадно перемалывающий неосторожно оступившихся.

Такой привлекательный...

Но такой коварный...

А люди, как те глупые мотыльки, что летят на пламя свечи и погибают в этом пламени, едут к нему и едут, кладут и кладут новые жертвоприношения на его алтарь... И как же мне не хочется быть одним из них, как мне не хочется остаток моей непутёвой жизни провести в этом сатанинском творении...

Мне всегда мечталось, что, выйдя на пенсию, сяду я у себя на даче (а ещё лучше в своём доме, в какой-нибудь глухой деревне) и буду, попивая душистый чай, перечитывать моих любимых Гоголя, Тургенева, Достоевского или вот Льва Николаевича... Кошка у меня на коленках будет урчать мне свою кошачью колыбельную, а верный пёс, свернувшись калачиком у моих ног, будет дополнять уютную картину мо-

ей старости... А когда «потянет», суну ноги в растоптанные кроссовки, выйду на двор, за углом дома опорожню мочевой пузырь, на обратном пути дёрну с грядки редиску, промою её в бочке с дождевой водой, в доме «накачу» стопку своей собственной наливки, закушу этой самой редиской и опять ноги к камину и за книгу...

Благодать!..

Ночью выйду на крыльцо за приготовленной охапкой поленьев, над головой звёздное небо и загадочная луна, белый туман бестелесной ватой стелется по грядкам, а вокруг таинственная тишина и величественный покой...

И соловьиные переливы из ближней рощи...

И кваканье глупых лягушек в соседнем пруду...

Благодать!..

Только ничего этого уже не будет.

За бестолково прожитую жизнь, за грехи мои многочисленные ссудил мне Господь вот такое послушание на мою старость: работать пока силы будут (и работу же подыскал вполне подходящую), работать каждый день, без всяких там выходных и отпусков, а когда сил совсем не останется – помирать в какую-нибудь богадельню... С одной стороны досадно, являясь отцом четверых детей доживать жизнь приبلудным цыганом, а с другой... всё могло быть гораздо хуже («ведь заслужил же...»). Так что не мне жаловаться.

.....
С выездом на трассу начинается эта самая работа.

Поток разномастных машин прёт на пределе в сторону Москвы (специфика жизни в большом городе такова, что проснувшись, ты уже кому-то что-то должен, ты уже куда-то опаздываешь...) и тут зевать нельзя: «Не ты, так в тебя», как говорится. Тем более трасса от ночного снегопада очищена плохо, из под колёс впереди идущей фуры комья мокрого снега летят на лобовуху моей «ласточки» (асфальт, видно, чем-то успели с утра полить), а дворники только размазывают его по стеклу, так как незамерзайка, купленная у азербайджанцев на обочине, оказывается, не держит и двадцати из заявленных минус тридцать. Но перед Пушкино скорость потока резко падает, и метров через триста мы встаём в глухую пробку. Эта ежедневная пробка перед Пушкино (следствие бесконечной реконструкции дороги Москва – Холмогоры) – серьёзная причина для меня поменять арендное жильё. Полдома у станции «Правда» я снял в расчёте на то, что скоро моему другу детства Володьке Буракину тоже укажут на дверь (а идти ему совершенно некуда, а у него на руках ещё и кот), то есть снимал я это жильё в расчёте на то, что жить нам там нужно будет втроём с его котом (что сразу было оговорено с хозяйкой), но страсти по его выселению как-то затихли, а мне и платить за два койкоместа (пользуясь только одним) накладно, и ежедневные потери минимум трёх часов рабочего времени в этих пробках (утром в Москву а вечером из Москвы), и лишние пятьдесят километров каждодневного холостого пробега – всё это ни к че-

му. Ведь сними я что-нибудь на окраине Москвы – оно и дешевле выйдет, и вышел из дома, сел за руль – и ты уже на работе...

С удовольствием отмечаю, что салон машины к этому времени уже прогрелся, и что бы не нервничать из-за стояния в пробке начинаю решать очередную sudoku, одним глазом контролируя медленное движение впереди идущего большегруза.

Самый нетерпеливый летит по обочине на своём Гелентвагене, отбрасывая на нас законопослушных хлопья снега, за ним ещё несколько таких же смелых на иномарках попроще. А через километр, на съезде к АЗС, с удовольствием (вот она порода человеческая) отмечаю все эти иномарки, стоящие паровозиком у машины ДПС. Получается – были самые умные, а оказались в дураках. Правда, Гелентвагена среди них нет, видно водитель его или с «ксивой» оказался, или просто успел проскочить.

У Пушкино некоторые съезжают в сторону города, но я-то точно знаю, что через город быстрее не получится и продолжаю тянуться за своей фурой. А где-то через час (для утра в будний день совсем не плохо) мы проползаем эту бесконечную пробку (я почти «раскатал» свою sudoku за это время) и вырываемся на оперативный простор. Все (и я в том числе) рвут вперёд «как ужаленные», в пустой надежде догнать упущенное время, хотя на плохо очищенном и местами накатанном асфальте этого делать не стоило бы... И как дока-

зательство тому через пять минут вижу три машины в левом ряду, стоят прижавшись друг к другу, а их хозяева что-то бурно обсуждают между собой на повышенных тонах («Эти на сегодня уже приехали»).

Вид аварии отвлекает и я, сбавляя скорость, перебираюсь в правый ряд. Пора уже включаться в настоящую работу.

Тарасовка.

Мытищи.

И вот она московская кольцевая.

Рёв сотен машин, грязный снег по обочинам, Ярославка, обжатая с обеих сторон безликими многоэтажками, напичканные разномастным народом. Кругом какой-то торопливый, озабоченный люд...

И я вкатываюсь в этот суматошный мир, растворяясь в нём, превращаясь в один из винтиков этого гигантского механизма, что называется мегаполисом, становясь одной из его миллионных шестерёнок на ближайшие двенадцать, а скорее всего, четырнадцать часов...

Глава 2

«СИНГУЛЯРНОСТЬ»

По радио «Комсомольская Правда» в рубрике «А знаете ли вы что...» приводят порой прелюбопытнейшие факты. Вот и сейчас диктор бодро объявил: «А знаете ли вы, что каждую секунду наше солнце теряет четыре миллиона тонн своей массы?»

Ого!

Четыре миллиона тонн каждую секунду!

Если для простоты расчётов принять вес вагона с углём за сто тонн, то получается, что каждую секунду от нашего светила отчаливает поезд в сорок тысяч вагонов или по земным меркам где-то триста составов с углём. И так каждую секунду!.. И так на протяжении четырёх с лишним миллиардов лет?.. Вы там, господа учёные, ничего не перепутали? Какую же массу вещества потеряло наше солнце за весь этот период, по-вашему? И, соответственно, что тогда это было за небесное тело в самом начале?

Хотя, впрочем, о чём это я? Космос – это что-то такое к чему с нашим аршином подходить глупо, величины какие-то несуразные...

да и процессы там под стать этим величинам...

Вот взять хотя бы такое понятие как сингулярность.

Слово-то, какое красивое – Син-гу-ляр-ность! А что оно означает? А означает оно то, что когда-то вся материя нашей вселенной была упакована в одну точку, которую ни в какой микроскоп не увидишь. Как это себе представить?

Ну, хорошо, как известно единица вещества – это атом, а атом – это ядро и несколько электронов на своих орбитах вокруг него, примерно, как в нашей солнечной системе: есть солнце в центре, и есть восемь или девять (это кто как считает) планет, которые вращаются вокруг него по своим орбитам. Ну, там ещё по мелочи набирается: у планет свои спутники – луны, пояс астероидов, какие-нибудь залётные коме-

ты и так далее. Но объём всех материальных объектов в нашей солнечной системе несопоставимо мал с объёмом самой солнечной системы (расстояния между планетами слишком велики), и по этой причине если собрать всю материю нашей солнечной системы в один шарик (как, например, мы зимой снежки лепим), то размеры нашей солнечной системы уменьшатся в миллионы миллионов раз. По этой же причине, чисто теоретически и размеры этого самого атома тоже можно уменьшить в миллионы раз.

Допустим...

Допустим я готов поверить, что меня (всего меня, со всеми моими ста килограммами чистого веса, с одеждой, ботинками, с очками на носу) можно сжать до микроскопической точки. И эту машину, и пассажирку, что дремлет на заднем сидении туда же в эту точку можно сжать.

Допустим...

Но если взять, скажем, всю Москву? С её миллионами и миллионами таких вот стокилограммовиков как я, с её миллионами машин, автобусов, поездов, с тысячами и тысячами многоэтажек и небоскрёбов, с её заводами, с кремлём, со всей этой прорвой земли, что держит её, с её подземным метро, с парками, реками, ну то есть всё, всё, всё, что есть Москва взять и сжать до размеров невидимой точки?..

Как вам такая вероятность?

А если ещё раздвинуть диапазон, и представить, что всю нашу землю, со всеми её городами-миллионниками (под

стать Москве), горами, реками, озёрами со всеми её океанами, с их китами и акулами, с её луной в придачу взять и сжать до невидимой точки?.. А ведь наша земля – это даже не песчинка в океане нашей галактики называемой Млечный Путь... А если махнуть ещё дальше, ведь в космосе миллиарды и миллиарды таких галактик!..

Как всю материю нашей вселенной (объём которой и представит- то просто невозможно), когда-то кто-то сжал до бесконечно малой величины?! Как всю эту материальную бесконечность возможно сжать до объёма размером «ничто»? А потом это «ничто» почему-то взорвалось и из этого взрыва образовался весь видимый материальный космос... И он всё ещё (уже тринадцать с половиной миллиардов лет) продолжает свой процесс расширения.

Лично я отказываюсь это понимать. Как по мне, так тут есть какая-то ошибка, но для современной космологии это знание (знание о так называемом «большом взрыве») такое же верное понятие, как и дважды два равно четырём для математиков.

И когда я пытаюсь углубиться в эти представления, я чувствую, как мой мозг начинает закипать...

.....

Эх, Пётр Алексеевич, был бы ты сейчас рядом, ты бы, я думаю, смог бы растолковать мне как-нибудь этот феномен.
Да...
Был бы ты рядом...

Интересно, как живётся тебе там, в твоей Европе?

Не скучаешь по «немытой России»? Нам-то тут скучать некогда, у нас тут что ни день – то веселуха... Вот недавно, например, грохнули средь бела дня прямо в центре Москвы (на большом Москворецком) главного оппозиционера – Немцова, сегодня пенсионный возраст повысили, завтра ещё чем-нибудь власть нас порадует...

Сказать честно, раньше (когда жизнь бурлила событиями) как-то не думалось об этом, а вот пришла старость, пришло время подводить итоги прожитого, и стал я частенько вспоминать о тебе... Стал я вспоминать то далёкое время, когда ты маленький мальчик, ещё дошколёнок, и я твой отец (такой большой и всемогущий каким наверняка я представлялся тебе) были вместе...

.....
Помню, мы как-то шли с тобой по лесу.

Я для пущего контроля хочу взять тебя за руку, но ты, уже тогда, показывая характер, на мою просьбу дать мне твою руку мотаешь отрицательно головой (мол, требуешь полной для себя свободы) и прячешь руки за спину. Я уступаю, и мы идём дальше. Поперёк нашей тропинки лежит поваленная ветром ветвистая осина. Я с трудом переступаю её и вижу, как ты сосредоточенно перелезаешь через это серьёзное для тебя препятствие, стараясь не зацепиться за торчащие вокруг ветки. И я, не столько что бы проучить тебя, а скорее что бы подшутить над тобой делаю шаг в сторону с тро-

пы и, встав за разлапистую ель, наблюдаю за тобой. Наконец, справившись с этой трудной работой (и явно очень довольный собой), ты поднимаешь вверх глаза и... не видишь меня. Твоего большого, сильного папы нигде нет, есть только ты, маленький мальчик среди этого огромного непонятного леса... Проходит секунда и вдруг ужас охватывает тебя и ты, ещё не успев разреветься, а только судорожно всхлипывая, делаешь несколько резких, отчаянных рывков в разные стороны, совершенно не понимая, что тебе делать дальше.

Тут пришло время мне самому испугаться. Я вдруг понял, что через секунду ты в отчаянье сиганёшь куда-нибудь в кустарник и я, пожалуй, могу тебя действительно потерять.

Я быстро выхожу из-за дерева и громко зову тебя.

– Петя! Петя! Я здесь.

Увидев меня, ты мгновенно успокаиваешься, и на мою повторную просьбу дать мне свою руку тут же послушно суёшь в мою ладонь свою детскую ладошку. И мы идём с тобой дальше этой лесной тропинкой два вполне себе счастливых человека.

И это было так естественно: отец и рядом его сын...

Прошло уже около сорока лет с того случая, а я до сих пор, вспоминая его, явственно ощущаю тепло той мягкой детской ладошки в своей руке...

Да...

Хорошее было время...

Но как говорят: «хорошего понемножку».

В итоге ты вырос без меня, без моего надзора, без моих советов. Я не читал тебе на ночь сказок. Не ходили мы с тобой в байдарочные походы по нашей бескрайней и такой красивой матушке – России, не научил я тебя бороться, хотя мечтал об этом с самого твоего рождения (да что там мечтал, я был уверен, что под моим руководством ты завоюешь на ковре всё то, что не суждено было мне завоевать)... Не построили мы с тобой своими руками и наш дом...

В общем, обошёлся ты без моих знаний и умений.

Но ты молодец, справился.

Школа с золотой медалью, а потом физтех с красным дипломом – это результат.

Если бы, я хоть немного к этому был причастен, я бы гордился собой, но, увы, все твои успехи – это только ты сам... Меня нигде в твоей жизни нет, ты даже мою фамилию сменил на мамину... Я думаю, что ты сделал это напрасно. Всё равно от меня тебе не откреститься, Алексеевичем ты останешься пожизненно, равно, как и в каждой из миллиардов клеток твоего тела двадцать три хромосомы из сорока шести всегда будут моими, а гены, как говорит мой закадычный друг Владимир Витальевич, пальцем не раздавишь...

Да...

Так хочется думать, Пётр Алексеевич, что ты в этой своей сраной Европе не просто зарабатываешь себе эти сраные зелёные тугрики... Раз ты мой, значит, ты не можешь быть из этих, для которых родина – это там, где сегодня хорошо

кормят, их и без тебя легион... Ты ведь нашей породы, ты из тех, для кого такие понятия как мать, родина, честь – это что-то сакральное, что нельзя пачкать ни при каких обстоятельствах.

Ведь, правда, же?..

Ты ведь так же думаешь?

А вдруг я ошибаюсь?..

Ведь я не знаю о тебе ничего, гены генами, но «бытие» определяет сознание», а каким было это самое «бытие» когда формировалась твоя личность? Вдруг желание сменить фамилию было продиктовано не юношеским максимализмом, а это было вполне себе зрелое решение отказаться от своей родовой мужской линии?..

И в Европу ты рванул просто за сытой жизнью...

Если так, то ты, братец, иди уже до конца по этой скользкой дорожке.

Можно, например, и отчество своё сменить на матчество (а что, вполне по-европейски, в духе «демократической толерантности»). Только представь себе: где-нибудь на конгрессе европейских айтишников, в каком-нибудь Брюсселе, объявляет какое-нибудь педрило:

– Ladies and gentlemen!

Right now!

Let me introduce to you – Peter Elenovich Lemenkoff!!!

Как тебе такое?... Звучит?..

А там и пол поменять (если для дела нужно) на какой-нибудь другой уже и не так зазорно...

.....

Стоп!

Стоп!

Стоп!!!

Это бесы!

Конечно же, это бесы, а кто ещё может так незаметно подводить человека к той роковой черте за которой несмываемый грех? Гадкая мысль – это семя, из которого обязательно вырастет целое дерево, которое потом обязательно будет плодоносить мерзкими поступками. И подсовывают нам эти мыслишки бесы конечно, бесы, что незаметно, один за другим внедрились нам в наши души и «правят там бал»... Это как, например, попил человек грязной воды из лужи и завелись у него в кишках глисты, и человек живёт с ними и даже не подозревает, что он за обедом не столько себя кормит сколько этих паразитов. А выведи он их, так сразу всё в его теле станет заметно лучше (наедаться станет меньшим количеством еды, плохой запах пропадёт, быстрая утомляемость исчезнет ну и так далее). Так и с бесами. Бесы – они как гильменты души нашей, сидят там и пожирают все благородные и чистые позывы её. И гигиена душе нашей несколько не меньше требуется, чем физическому телу.

Вот новорождённый, он и телом и душой чист как ангел.

Откуда в детях этот наив? От их духовной чистоты, ребё-

нок верит взрослому, потому что не знает ещё, что взрослые врут на каждом шагу. Не догадывается ещё он, ребёнок, что можно думать одно, а в слух говорить совсем другое, а делать потом совсем третье... Но идут годы, ребёнок взрослеет, видит вокруг себя это бесконечное «один пишем – два в уме», перестаёт этому удивляться, потом находит для себя в этом вечном несоответствии свои гешефты и наконец, принимая наши правила, встраивается в наш общественный порядок... А бесы уже всю «банку» в его душе...

Ибо нельзя, идя по грязной дороге, не выпачкать ног.

Нельзя...

Вот почему Иисус Христос в своих проповедях настаивал: «Будьте как дети!», Спаситель призывал людей к душевной чистоте, к этой самой гигиене души...

Но если глистов из брюха вывести – дело нехитрое, то выселить бесов из своей души ох как непросто. Ведь это про них сказано: «Ты их в дверь, а они к тебе в окно»...

.....

Вот и я, Пётр Алексеевич, пытаюсь на старости лет выселить из своей души этих пассажиров – вредителей, но, честно говоря, получается плохо. С одной стороны всё, вроде бы, просто, а с другой... Этой неспешной работы на целую жизнь хватило бы, а я вот, видишь, поздно спохватился, и время упущено, и силы уже не те...

Первое правило, которое я положил себе – это гнать от себя плохие мысли (равно, по мне, гнать бесов). Как только

поймаю себя на том, что начал мысленно желать кому-то что-то недоброе, сразу стопорю себя...

стараюсь стопорить.

Следующее правило – стараюсь приучить себя к мысли, что я не лучше других (соседа в очереди, например, или там коллегу по работе), а раз не лучше, так и не мне его судить...

Помнишь диалог из одного известного фильма:

– Ты суслика видишь?

– Нет.

– И я не вижу. А он есть.

Так и про любого человека сказать можно.

В любом, даже самом страшном душегубе есть то, за что его любить можно. Но мы, наклеив ему однажды ярлык душегуба, отказываем ему в этом. А ты расспроси о нём, например, его мать, она наверняка много чего хорошего найдёт рассказать о своём сыне ... Или, поставь нас в его условия (условия, при которых он стал душегубом), может быть мы были бы ещё большие душегубы и мерзавцы...

Так что, «не суди...» («Боже! А ведь есть люди, для которых судить других – это профессия. Интересно, как они живут с этим?..»).

Судить нас может только Господь. Только он видит нас всех от начала и до конца, поэтому он нас всех и любит... мы для него дети, не поделившие в песочнице своих игрушек...

.....
– До окончания маршрута остаётся триста метров – напо-

минает мне таксометр, и возвращает меня в реальный мир.

Ищу глазами то место, где мне нужно будет высаживать мою пассажирку (а она, оказывается, уже не дремлет и смотрит на меня через зеркало заднего вида, что всегда меня напугает: «И чего она хочет во мне увидеть, что она там про себя обо мне думает?»).

В Москве таксисту остановить машину для высадки (или посадки) пассажира порой ой как непросто. Почему-то всем нужно сойти именно там, где действует знак «остановка запрещена» да ещё часто прямо под камеру, а эти знаки и камеры, кстати сказать, висят почти везде по городу.

.....
Вспомнился мой разговор с нашим мастером:

– Рома, ни у одной станции метро таксист не имеет права остановиться, чтобы посадить или высадить пассажира. Везде висят знаки «остановка запрещена», везде камеры, а половина всех наших заказов – это человек едет от дома к метро или, наоборот – от метро к дому? Как, Рома, работать?

Рома явно в затруднении.

– Да... это проблема... Мы пишем письма в Минтранс, в московский департамент транспорта... Другие таксопарки тоже пишут письма... А вы пока как-то выкручивайтесь. В подворотню там где-то спрячься...

– Рома, ты сам-то слышишь, что ты говоришь? Какая подворотня? Человек вышел из метро, и будет искать своё такси по подворотням? Да и подворотен давно уже нигде нет.

Мне жалко Романа, как начальник он должен мне найти законный выход из этой ситуации, а выхода нет. Ведь какой-то собяниновский куманёк или племяша с благословления доброго дядюшки («Ну как не порадеть родному человечку?») открыл для себя сладкую кормушку и стрижёт своё двадцатимиллионное стадо... А вы пишете себе письма в Минтранс, в московский департамент транспорта... В ООН можете ещё написать...

Видя затруднения Романа, к разговору подключается Юрьевич (хозяин нашего таксопарка, в прошлом старший офицер ГАИ), оказавшийся рядом.

– Василич, у метро таксист может остановиться для высадки или посадки пассажира, но не более чем на десять секунд. С одиннадцатой секунды ты уже попал на штраф.

– Это кто сказал?

– Я в ГАИ узнавал. До десяти секунд они не штрафуют, это точно.

– Юрьевич, но ведь это бред. Есть правило, есть штраф за нарушение этого правила, но если нарушаешь его не более десяти секунд – штраф не положен?

– Штраф положен, но все всё понимают, и наверху договорились – палец Юрьевича указал на потолок, – пока на законодательном уровне вопрос не проработан до десяти секунд не штрафовать. Ты, Василич, как будто только вчера родился, в России же живём...

– Да, уж... который год они этот вопрос всё прорабатыва-

ют? Тоже мне, нашли себе «бином Ньютона»...

– Так что ждём, – вступает в разговор ободрённый Ромка.

– И сколько ещё ждать будем?

Роман неопределённо пожимает плечами.

– Десять секунд – это конечно хорошо, только вот бабуля какая-нибудь с ходунками, или там семья с чемоданами, они пока рассядутся, пройдёт не десять секунд. А один такой штраф – это весь мой дневной заработок, порой...

В офисе повисает неловкая пауза.

.....

Место высадки моей пассажирки (Слава Богу!) оказалось не проблемным.

Прощаясь, она даже поблагодарила меня за мягкую езду и хорошую музыку (для не спящих пассажиров у меня обычно играет Relax FM).

– Я даже задремала под неё. Обязательно поставлю Вам все пятёрки.

– Спасибо. Вам хорошего дня.

– Спасибо. Вам лёгкой дороги и хороших пассажиров.

На том и расстались...

Глава 3

«КИДАЛОВО»

Сомнения в том, что он заплатит за поездку, были у меня с самого начала.

И я даже вряд ли смогу внятно объяснить почему. Ну, бородатый кавказец (кидают далеко не только кавказцы). Ну, поездка за наличные («кидалы» заказывают такси только за «налик», так как по безналу кинуть невозможно). Ну, как-то многозначительно и совершенно некстати объявил мне, что он из Грозного (чеченские беспридельщики у всех таксистов на языке)... Не знаю, но почему-то чуйка моя мне с самого начала подсказывала, что не стоит этого парня везти на другой конец Москвы за наличные, да ещё по дороговому, не фиксированному тарифу, а за поминутную тарификацию... Что-то говорило мне, что это «кидалово». Но, пребывая в своих смутных сомнениях, я сразу ему не отказал (заказ – то сам по себе интересный), а потом уже было и поздно. Но к концу нашей бесконечной поездки по забитому пробками городу, когда счётчик нащёлкал ему более двух тысяч (о чём он, сидя в пробках, совершенно не волновался) я уже был почти уверен в том, что поездка холостая...

– Приехали? – Спрашиваю.

– А где третий подъезд?

– Мы стоим около него.

– А...

Тогда значит приехали.

Я улавливаю легкое напряжение в его голосе.

– Тогда спасибо, брат... (тоже мне нашёл брата, я ему в отцы гожусь)

Чеченец вылезает из машины.

Я жду. Так бывает, иногда пассажиру удобней достать деньги из кармана брюк, не сидя в салоне.

Чеченец делает шаг в сторону от машины.

– А деньги? – Догоняет его мой вопрос.

Он останавливается.

Поворачивается.

Он ждал от меня этого вопроса, и всё равно (как мне показалось) оказался к нему не совсем готов.

– Сейчас принесу. – В голосе наигранное неудовольствие.

– Ты даже не спросил, сколько набежало...

– Я и так знаю. Тысячи две, не больше.

– Больше.

Я смотрю в его ставшие вдруг злыми чёрные глаза (Лев Николаевич как-то заметил, что мы не любим тех, кого мы обидели), окончательно понимаю, что это «кидок» и спокойно спрашиваю:

– И сколько тебя ждать?

– Две минуты, – раздражённо бросает он, не выдерживая моего взгляда, поворачивается и идёт к подъезду.

Я смотрю ему в след, (пассажир всегда прав, а ты, таксист, сиди ровно на своей пятой точке и жди, сколько потребуются) и понимаю что хорошо, что мне уже почти шестьдесят и я уже знаю: две тысячи рублей – это не то, за что нужно «копья ломать». Конечно, скинь я пару десятков лет, и ложная гордость не позволила бы мне, так просто отпустить этого кидалу...

Я откидываюсь на спинку сидения и прикрываю глаза (поездка была не из лёгких), и в памяти выплывает совсем другая история...

.....

Начало девяностых...

Я недавно бросил созданную мной довольно успешную (но заказанную ментам) строительную фирму, и растворился на просторах огромного города, успешно всяких раз ускользая от этих самых ментов, которые шьют мне хищение государственности в особо крупных размерах, пытаюсь найти меня и вытащить на очередной допрос (Боже! Сколько их, этих пустых, ни о чём допросов уже было за последние полгода...). Но дело серьёзное, пахнет для меня червонцем, не меньше, а так как я уже успел отбарабанить свой трояк, и там за решёткой ничего нового и интересного для меня уже не осталось, я, уклоняясь от общения с властью (благо при рассыпающейся стране ей совсем не до меня) и на старенькой НИВЕ (всё, что поимел для себя с миллионных оборотов своего детища) бомблю на жизнь себе и своей новой семье. Прав у меня ещё нет, города как такового я ещё не знаю, не знаю и многих тонкостей этой довольно непростой профессии, да и вообще водить машину я толком ещё не научился, но так как в Москве не осталось, ни одного таксопарка, то пустым домой я не приезжаю...

Вот и сегодня уставший но довольный (нагрудный карман приятно оттопыривает дневной заработок) еду домой

по ночной Москве какими-то тёмными переулками где-то в центре.

На дворе поздняя осень.

Промозглый дождь, который вот- вот перейдёт в мокрый снег поливает чёрный асфальт. Стёртые резинки дворников плохо очищают лобовое стекло, да ещё эта темень и бесконечные колдобины в самом центре Москвы («и куда вдруг все фонари подевались?»)... Места совершенно мне незнакомые, и я, похоже, окончательно заблудился в бесконечных, кривых переулках Замоскворечья.

У дороги мелькает тёмный силуэт, рука силуэта отчаянно голосует. Я очень устал и мне давно пора домой, но условный рефлекс срабатывает и, несколько помедлив, и всё же, уже проехав силуэт, я останавливаюсь у бордюра.

Дверь открывает подбежавший парень.

– Брат, кинь до Толмачёвского.

Мне так не хочется работать, но ведь остановился же...

– Сколько?

– Трояк, – и прочитав разочарование в моём взгляде, добавляет, – тут совсем рядом.

Я действительно очень устал за день, мне действительно давно пора быть дома, да и сегодняшний улов вполне подходящий, так что трояк – это совсем не те деньги, за которые можно и перенапрячься...

– Нет, дорогой, – качаю я головой для убедительности.

Парень видно давно мокнет и мёрзнет, он понимает, что

если я сейчас уеду без него, он в этом тёмном, забытом Богом переулке глубокой ночью может вообще больше никого не поймать.

– Десять!

Это уже совсем другое дело...

Десятка, да ещё за короткую поездку – редкая удача, устоять трудно. Тем более я заблудился, а с помощью этого пассажира, глядишь, и выберусь на знакомые улицы...

И я сдаюсь.

– Слушай, парень, я еду домой на восток через центр. Если это по пути тогда садись.

– Это по пути. – Обрадовано успокаивает меня он, залезая на пассажирское сидение.

– Дорогу покажешь?

– Конечно.

И мы поехали.

Через пару минут езды, слегка отогревшись, парень начинает, как бы сам с собой разговаривать.

– Да...

Обнаглели вы, бомбилы...

Я вот вчера эту дорогу за три рубля проехал. За пять минут работы червонец рубите...

Так можно и башку на дороге потерять...

Я очень устал, мне очень нужно домой, и слушать нравоучения от какого-то вчерашнего щенка ну совсем не хочется, даже за червонец.

Я резко подруливаю к тротуару и торможу.

– Слушай, я передумал.

– То есть? – слегка опешил мой пассажир.

Я понимаю, что просто так высадить его уже не получится, а долго препираться с ним нет ни сил, ни желания. Вопрос нужно решать резко и кардинально.

– Что тебе не понятно? Иди на х... отсюда. С кем-нибудь другим доедешь.

– Что?

Что ты сказал?!!

Тут я вдруг улавливаю лёгкий нерусский акцент в его взволнованных словах и понимаю, что парень не из наших, вижу недобрый огонёк, вспыхнувший в его чёрных глазах... И осознаю, что вышел проколычик (не стоило мне этому северокавказцу так «рубить с плеча»), но ничего страшного, ситуация контролируемая...

– Да я тебя сейчас за это... – он уже пышет злобой, глаза его уже горят бешенством (не народ, а чистый порох).

Правая рука его ныряет в боковой карман куртки.

На ковре частенько мне приходилось встречаться с кавказцами лицом к лицу, и я даже полюбил, когда они мне попадались. А полюбил потому, что гораздо трудней бывает завалить какого-нибудь сибиряка или там волжанина, чем эдакого джигита (пантов много, а настоящего характера или тем более хорошей техники маловато... тут главное выдержать первый натиск, первый, так сказать, бросок «горного барса»,

а там...). Поэтому весь его гнев не произвёл на меня большого впечатления.

И когда он потянул свою руку назад я почему-то первым делом подумал, что он мент, и что он сейчас достанет свою красную ксиву и будет тыкать ей мне в лицо. Но в следующую секунду я понял, что на мента он явно не тянет, а значит, в руке у него, скорее всего, окажется нож... но в салоне тесно, не развернутся, главное успеть перехватить его руку на взмахе, и локтём в переносицу...

В руке у кавказца оказался пистолет, что в первое мгновение меня даже позабавило (настоящее оружие на руках тогда ещё было в диковинку). «Пугач достал» с облегчением решил я. Спокойно, с усмешкой смотрю в его, горящие бешенством глаза и жду продолжения шоу.

– Я тебя...

Да у нас на Кавказе за такие слова...

Я тебя прямо здесь, сейчас...

Задыхаясь от вспыхнувшего гнева, он даже не может построить фразу.

– Хочешь?!

Я спокойно (всё ещё спокойно) смотрю в его глаза, потом перевожу взгляд на вороненое дуло с противной чернотой ствола в его руке и постепенно начинаю догонять, что всё здесь по-взрослому. Понимаю, что в руках этого парня не пугач... и его крючковатый палец на курке вполне себе сейчас может потянуть этот самый курок на себя... А ствол, он

как раз смотрит прямо мне в лоб...

Но, не успев ещё до конца осознать всю серьёзность момента, и, ещё не успев запаниковать, я спокойно отвечаю.

– Нет.

Не хочу.

– У нас на Кавказе за это... – заходит он на второй круг.

– Мы с тобой сейчас не на Кавказе, – обрываю его, и мой спокойный тон его, кажется, озадачивает и охлаждает.

Проходит секунда или две, не больше.

Он не выстрелил, а я, окончательно «въехав» в ситуацию, понял насколько близко ко мне сейчас та самая старуха с косой... Чувствуя как вдоль мгновенно взмокшего хребта ползает вниз противная, холодная капелька, я чтобы не выдать взглядом вдруг накатившего животного страха отворачиваюсь. Интуитивно понимаю, что моё видимое спокойствие – единственно правильная стратегия в данной ситуации (дрыгаться бесполезно – все козыри у него на руках). Слышу рядом тяжёлое дыхание кавказца и благоразумно просто жду.

Пауза затягивается.

– Ладно, – наконец решает кавказец, так же быстро остывая и опуская пистолет, – в следующий раз следи за своим языком, а то наживёшь себе на жопу...

Я молчу в ответ, а что тут скажешь? Ведь прав...

– Поехали. – Командует он и убирает пистолет во внутренний карман куртки.

Ещё не до конца понимая, что горячая фаза конфликта

уже прошла, я, тем не менее, не могу так вот взять и подчиниться этому головорезу. Но и дерзить ему больше не следует...

– Нет, дорогой, я тебя уже никуда не повезу. У нас с тобой ничего не получилось. Доедешь на какой-нибудь другой машине.

Кавказец, кажется, даже растерялся.

– Ты чего?!

– Ничего. – Я выключаю мотор и откидываюсь на спинку сидения. – Я же сказал тебе, что у нас ничего не получилось, доедешь на другой тачке. А я прямо домой.

Он бросает на меня угрожающий взгляд, но поздно, волна страха уже прошла, теперь я знаю, что за сюрприз для меня у него в кармане и я знаю, что нужно делать, если его рука опять туда полезет, как говорится «карты вскрыты»... Я спокойно встречаю этот взгляд, и также спокойно добавляю:

– Сам видишь, мы сильно не поняли друг друга. Ты вот только что чуть большой грех на душу не взял на ровном месте.

– Ничего себе «на ровном месте», – заводится он опять. – Да по закону за это...

– Мы здесь, дорогой, живём по другим законам, – снова обрываю его я.

– Закон везде один! Поехали, говорю! – Пробует он опять надавить.

Но я уже тоже «закусил удила».

– Нет. Мы с тобой уже точно никуда не поедём. Вот, – указываю ему на дорогу, по которой, освещая нас фарами, катит по встречке какая-то машина. – Поймаешь другую тачку.

Он бросает взгляд в черноту ночи, вспоминает, видно, как долго он мок на дороге пока не сел в мою машину и твёрдо, но уже спокойно говорит.

– Я никуда не пойду. Ещё раз говорю: «Поехали!».

– Нет.

Это «нет» даётся мне с некоторым усилием, так как я почти уверен в том, что сейчас он опять потянется за пистолетом, но, тем не менее, «нет» звучит твёрдо.

Кавказец к моему облегчению за оружием не потянулся, и в машине наступает тяжёлая пауза, во время которой каждый из нас под барабанную дробь дождя по крыше машины пытается найти какой-то выход из этой ситуации. Этот горец, не выстреливший в первый момент своего гнева, больше за пистолет хвататься не будет (я ему этого повода уже не дам) – это ясно, но и выходить из машины под проливной дождь без каких-либо надежд поймать ещё одну машину он не собирается... Но и для меня (рождённого под знаком Овна да ещё в год деревянной козы) теперь уступить – совершенно невыносимо...

Тупик...

– Слушай, – наконец прерывает затянувшуюся паузу кавказец, – мы уже десять минут тут сидим. Мы уже почти при-

ехали, езды осталось не более трёх минут. Я плачу тебе за эти три минуты десять рублей. Этого что, тебе мало?

Говорит он это всё спокойно, рассудительно, без наезда, и я понимаю, что это действительно шанс «сохранить всем лицо». Он прав, чем сидеть здесь в темноте под дождём неизвестно сколько, уж лучше через три минуты высадить его, да ещё и червонец срубить.

Я бросаю взгляд в его сторону и поворачиваю ключ в замке зажигания.

– Ладно, поехали. Не ночевать же здесь, с тобой. Дорогу показывай.

Мне показалось, что кавказец с облегчением принял моё решение.

.....
Мотор послушно тарахтел, дворники исправно смахивали, как могли воду с лобового стекла, фары резали ночную темноту пустых (как будто навсегда обезлюдевших) переулков купеческого Замоскворечья.

Ехали молча. Только кавказец, указывая направление, говорил: «Здесь направо. Налево. Теперь направо.».

Петляя по тёмным переулкам, мы скоро заехали в совершенно точно нежилой район из двух и трёхэтажных облезлых домов, лепившихся один к одному, постройки явно не нашего столетия.

– Теперь сюда, в арку.

Заруливаем в арку нежилого дома (заколоченные входные

двери, выбитые стёкла окон), за ней небольшой внутренний двор, за ним ещё один такой же дом с такой же аркой и тоже не жилой.

У въезда во вторую арку кавказец объявляет.

– Всё, приехали.

Я останавливаю машину прямо перед второй аркой. Про себя отмечаю, что действительно ехали не более трёх минут («не соврал, однако...»).

Кавказец вылезает из машины, он как-то сразу повеселел, во взгляде и движениях появилась уверенная вальяжность...

Помедлив, с ядовитым прищуром спрашивает.

– Так сколько я тебе должен?

Какое-то нездоровое напряжение повисает в воздухе.

– Ты же сам сказал – червонец.

Я пытаюсь спокойно улыбнуться, но чувствую, что улыбка получается какой-то кривой.

– Да?

Всё же червонец?

Иезуитская усмешка кривит его лицо, а рука его опять нырнула внутрь куртки.

Я понимаю, что через мгновение опять увижу в его руке чёрный ствол, направленный прямо мне в переносицу, и здесь, во дворе каких-то заброшенных построек прошлого века, среди ночи и дождя – это уже совсем, совсем плохо...

– Ладно, ладно, плати, сколько считаешь нужным, мне лишние проблемы не нужны.

С досадой отмечаю, что откуда-то вдруг взялся у меня этот примирительный тон. Ловлю на себе его насмешливый, оценивающий взгляд.

Помолчав, кавказец добавляет.

– Тебе повезло. Я сегодня добрый...

Он достаёт пустую руку из-за пазухи, потом лезет в другой карман и бросает смятую трёшку на пассажирское сидение.

– Осторожней на дороге, Шумахер! – с усмешкой напутствует он меня и захлопывает дверь моей НИВЫ.

Я вижу, как он поворачивается ко мне спиной и спокойно, не торопясь, удаляется в свете моих фар в глубину второй арки, ведущей куда-то в темноту. Я перевожу взгляд на смятую трёшку на пассажирском сидении, потом на раскачивающуюся спину уходящего кавказца и острое чувство (как от полученной оплеухи) жжёт меня. Мелькает шальная мысль, что если сейчас дать по газам, то кавказцу в арке не увернуться... Я кладу правую руку на рычаг переключения скоростей, но что-то останавливает меня («Спасибо тебе, мой Ангел!»), волна гнева откатывает, кавказец, пройдя туннель арки растворяется в темноте ночи, а я втыкаю заднюю передачу...

Всё, теперь уже точно только домой...

.....

Открыв глаза, я вижу перед собой закрытую дверь подъезда с кодовым замком. Понимаю, что ждать мне моего чеченца глупо (небось, ещё и стоит сейчас у окна на своём пятом

или десятом этаже и весело смотрит на крышу моей машины, любопытствуя, когда этот глупый таксист всё поймёт и уедет), понимаю, что, давно не попадая в подобные истории, я просто элементарно потерял нюх на эту публику (хотя теперь-то мне очевидно, что всё здесь было ясно, как дважды два с самого начала) и, досадуя на себя, выруливаю со двора на улицу. Знаю, что уже завтра я буду эту поучительную историю вспоминать спокойно, но на сегодня день испорчен: в кармане нет заработанный мной двух с лишним тысяч (а диспетчерская служба уже сняла с моего личного счёта свои немаленькие проценты за «оказанную услугу»), потеряно рабочее время, потрачено топливо...

И что тут скажешь?..

Сказать тебе нечего, таксист. Впредь не расслабляйся, это Москва, парень, здесь почти как на зоне – зазевался, показал слабинку, и... тебя «поимели»...

Так – то...

Глава 4

«МОЯ СПОРТИВНАЯ ЮНОСТЬ»

Тёплый, солнечный апрель 1972 года, город Киев.

Последний отборочный всесоюзный турнир перед первенством СССР по вольной борьбе среди юношей. Обязательное взвешивание уже закончилось и в зале царит обычное затишье: взрослых почти нет (представители всех ко-

манд, все тренеры и судьи на жеребьёвке и предстартовом совещании), кто-то из участников вяло разминается, кто-то просто отдыхает после нервной сгонки последних лишних грамм, развалившись на ковре как на постели, но в основном все участники будущих схваток на трибунах, кучкуются командами, оттуда временами взрывы смеха или какая-то неожиданная движуха, не вполне естественная в этом огромном притихшем зале. Все ждут итогов жеребьёвки и вывешивания списков пар на первый круг турнира. Первый круг – он всегда сложный, и поэтому тревожное напряжение прямо висит в воздухе.

Я сижу на трибуне на самом верху, удобно поставив ноги в борцовках на спинку нижнего ряда, и с высоты наблюдаю всю панораму большого легкоатлетического манежа, в котором по случаю наших соревнований настелили три борцовских ковра. Всё готово к началу соревнований: у каждого ковра судейский столик и табло, стул для бокового судьи, а в конце зала медицинский пост...

В огромные окна спортзала бьёт весеннее солнце, настроение приятно-волнительное, так всегда бывает перед началом любого турнира, и это приподнятое настроение держит тебя до первой схватки, ну а потом всё уже идёт «по накатанной...». Я знаю, что я хорошо готов, и в Киев я приехал за золотом, никак не меньше, но как бы я себя не убеждал в своей победе, полной уверенности, конечно же, нет, и лёгкий мандраж не отпускает, ведь все остальные тоже приеха-

ли выигрывать, здесь статистов нет, не тот уровень. А моя весовая категория одна из самых ходовых (до 75 кг.), в ней всегда полно народа, а это значит, чтобы встать в конце пути на пьедестал придется серьёзно пахать на ковре все три дня.

По вдруг возникшему всеобщему движению в зале понимаю, что вероятно списки только что вывесили, но я не трогаюсь с места: во-первых, сейчас кто-нибудь из наших прибежит и всё мне и так расскажет, а, во-вторых, какая собственно разница, кто бы, ни был мой первый соперник, всё равно нужно будет его класть...

а как иначе?

Чуть поодаль кучкой сидят борцы команды из Татарстана, новости жеребьёвки явно оживили их сообщество: шумный, нерусский говор, смех, легковесы собираются на разминку. У Татарстана традиционно сильная команда, татары – борцы хорошие...

Снизу к своим поднимается широкоплечий, черноволосый Равиль Айсин, я его хорошо знаю, парень из моего веса, крепкий орешек. Этой зимой на сборах в Казани мы с ним постоянно спаринговали, и гораздо чаще его лопатки бывали прижаты к коврику тогда, но, во-первых, так было не всегда, а, во-вторых, то было зимой, а сейчас конец апреля и Равиль наверняка всё это время зря не тратил... («Интересно, насколько он прибавил с зимы...»). Но в любом случае Равиль – это одна из серьёзных проблем для меня тут, в Киеве.

Равиль видит меня и жестом приветствует. Я отвечаю

также.

– Списки видел?! – кричу ему сверху.

– Видел!

– Ты с кем?!

– С тобой!

Я понимающе улыбаюсь, шутка принята. ... Если по правильному, то, на мой взгляд, нам с ним следовало бы здесь бороться в финале за первое и второе, но уж точно не в первом круге.

Ко мне подсаживается наш мухач, Толик Пузатиков, человек-ртуть, как зовут его в нашей команде.

– Списки видел?

– Нет ещё.

– Ты с каким-то татаринном из Казани.

– Да?..

Фамилию не помнишь?

– Не помню.

– Не Айсин?

– Кажется он.

Похоже.

Как ты сказал?

– Айсин.

– Да, точно Айсин.

Я бросаю взгляд на Равиля, он наблюдает за нами, в глазах тревожная тень (он тоже помнит зимние сборы и то, как

часто он там оказывался снизу...).

– А я с каким-то якутом. Ладно, я пошёл разминаться.

Толик, убегая, ещё что-то кричит, но я его уже не слушаю.

Значит, правду сказал Равиль, это была не шутка... Ну что ж, Айсин – так Айсин, придётся начинать турнир без раскочки.

.....

И вот мы стоим в центре ковра друг против друга. Судья на ковре проверяет готовность бокового, даёт отмашку судье за столиком и поворачивается к нам.

– Так, борцы, пожали руки (рукопожатие до и после схватки – обязательный ритуал)

Наши ладони и глаза встречаются, Равиль не выдерживает и отводит свой взгляд. А свисток судьи объявляет начало схватки.

Я хорошо знаю манеру борьбы Равиля, в данный момент он абсолютно собран, ушёл в глухую защиту, работает всё по «классике» и никакой самодеятельности: вязкая борьба за захваты рук и туловища, неловкие попытки прохода в ноги, имеющие целью скорее обозначить свою активность для судей, чем действительно атаковать. К концу первого периода эта его имитация борьбы начинает меня злить, а азарт поединка всё более и более заводит. Но на первый перерыв мы уходим с нулевым результатом.

Игорь Васильевич, наш тренер, обмахивая меня, говорит какие-то дежурные фразы, но я его почти не слушаю. Сейчас

я понимаю, что Равиль по-настоящему серьёзный противник и с зимы он действительно здорово прибавил, да и меня за те сборы он тоже хорошо выучил, знает мою бросковую манеру борьбы и поэтому не идёт в плотный захват. Но ничего, в конце концов, в наших с ним спаррингах я почти всегда как-то решал свои задачи...

На вторую трёхминутку выхожу уже серьёзно заряженным показать этому татарину кто на ковре хозяин. Я иду на Равиля, навязываю ему борьбу за захваты рук, туловища, одновременно стараюсь раздёргать его резкими швунгами, не даю ему нырнуть мне в ноги... Равиль, кажется, растерян, не ожидал от меня такого напора, но стоит, уйдя в глухую защиту.

Мне тяжело... работать первым номером да ещё в таком темпе трудно, но я знаю, что где-то он обязательно ошибётся, главное не сбавлять натиска.

Судья на ковре останавливает схватку и делает Равилю замечание за пассивное ведение борьбы. Уже не плохо, следующим ему будет уже предупреждение, а мне автоматом выигрышный бал. Тренер Равиля что-то строго выкрикивает ему по-татарски, Равиль согласно кивает в ответ: мол, услышал, понял и принял к действию. Наши, московские, тоже что-то кричат мне, подбадривают...

На кураже я авантюрно обостряю ситуацию, резко швынгую его под себя, а Равиль, как будто только этого и ждал, (используя моё же усилие) легко ныряет к моей открытой ле-

вой ноге. Понимая, что это шанс он, вцепившись в неё как клещ, изо всех сил пытается оторвать её от ковра, чтобы лишить меня одной опоры, а потом подсесть и вторую. Положение – дрянь, ведь этот незатейливый приёмчик – это его «коронка», и я это хорошо знаю, и чтобы не было ещё хуже ухожу в партер, отдавая победный бал противнику. Восторженные крики команды Татарстана сопровождают вскинутую руку судьи на ковре с отжатым большим пальцем, (жест, оповещающий о том, что Равилю засчитано техническое действие – перевод соперника в партер, и оцененное в один бал).

На второй перерыв мы так и уходим при счёте 1 – 0 в пользу Равиля.

Игорь Васильевич обмахивая меня торопливо что-то подсказывает, но я опять его плохо понимаю, впереди последняя трёхминутка и мне, во что бы то ни стало, нужно успеть взломать глухую оборону Равиля, в которую он теперь, безусловно, уйдёт. А обороняться он умеет...

Гонг.

– Давай, пошёл, – как из далека, слышу я напутствие тренера, получаю от него лёгкий толчок в спину и иду к центру ковра.

Равиль меня уже ждёт. Наши глаза встречаются, и во взгляде Равиля я вижу какую-то злую решимость.

Опять тот же рисунок борьбы, я решительно давяю, стараясь войти в плотный захват, Равиль умело и совсем не пас-

сивно защищается, иногда довольно опасно огрызается попытками пройти мне в ноги. В этой вязкой борьбе проходит большая часть последнего периода.

– Пошла последняя минута схватки, – беспристрастно объявляет в микрофон судья за столиком.

И тут я начинаю не на шутку нервничать: осталось бороться меньше минуты, у меня ничего не получается, а Равиль, почувствовав реальную возможность вырвать победу, усиливает свой атакующий напор.

Я штурмую оборону Равиля, мобилизовав все оставшиеся ещё неизрасходованные силы, Равиль тоже на кураже прёт на меня «с открытым забралом» и бескомпромиссная борьба уже идёт на встречающих курсах. А секунды тают,

тают,

тают...

И тут Равиль неожиданно опять ныряет к моей левой ноге, а я, защитив её, пропускаю Равиля к себе за спину.

Только этого мне не хватало!

Теперь я стою, упёршись обеими руками в ковёр, а Равиль сидит у меня на спине. И это катастрофа. Ведь если я в этом положении коснусь хотя бы одним коленом ковра это будет засчитано Равилю как второе техническое действие (опять перевод соперника в партер) и он получит второй выигрышный бал, и это уже точно будет его победа, так как за оставшиеся секунды отыграть у него два бала он, конечно же, не даст...

Равиль это тоже хорошо понимает и бьёт своей голенью мне в сгиб коленного сустава, заставляя колено сложиться. Бьёт раз,

бьёт два,

бьёт три. В зале татарская команда поднимает победный рёв, что-то кричат и наши, и среди общего шума различаю взволнованный голос Игоря Васильевича:

– Стоять!

Стоять!

Равиль цепко держит меня и, опьянённый близкой победой, опять и опять бьёт своей голенью в сгиб моего колена.

И тут в голове у меня рождается иезуитский замысел.

Я под ударами голени Равиля начинаю медленно сгибать коленку (потакая его азарту), с каждым ударом приближая её к ковру.

– Стояаять!!! – слышу я отчаянный крик тренера...

Татары, повскакивав со своих мест, восторженно режут...

Слышу, как прямо в ухо мне натружено хрипит Равиль... и ставлю колено на ковёр.

Поднятая рука судьи на ковре с отжатым большим пальцем, оповещающая о заработанном Равелем ещё одном бале, торжествующий рёв татарских борцов, вскинутые в отчаянии руки

Игоря Васильевича – всё это я успеваю зафиксировать в одно мгновение, и в это же самое мгновение (пока Равиль

не успел опомниться от своей, такой вожаделенной, победы) фиксирую своей правой рукой его правую руку, что держит мой корпус, обвиваю левой ногой его правую ногу и валюсь на правый бок, увлекая под себя Равиля.

Оказавшись подо мной и, поняв в какую ловушку я его заманил, Равиль отчаянно мостит, чтобы не прокатить лопатками по коврику.

– Держать!!! – это уже кричит Игорь Васильевич, ещё не до конца поверив в такую удачу.

Я и сам знаю, что нужно держать. Удержание противника в опасном положении больше пяти секунд – это техническое действие, оцениваемое в три бала, и этот шанс я упускать не намерен. Равиль снова и снова пытается вырваться из под меня, но теперь я уже полностью контролирую ситуацию и спокойно смотрю на арбитра на коврике, который махами руки начинает отсчитывать эти самые пять секунд...

– Три бала борцу в красном трико, – бесстрастно объявляет судья за судейским столиком.

Теперь пришёл черед победного ликования московской команды. Игорь Васильевич с сияющим лицом трясёт в воздухе аж сразу двумя кулаками. Казанская команда растерянно молчит.

На табло бегут последние секунды схватки, счёт по балам 3 – 2 в мою пользу, а это значит что дело сделано, и я отпускаю Равиля.

Судья на коврике опять ставит нас в стойку друг против дру-

га (формально схватка ещё не закончилась) и даёт свисток к продолжению поединка. Я встречаю потерянный взгляд Ра-виля (нам обоим уже всё понятно) и первым делаю шаг к нему, чтобы просто дотолкаться эти несколько оставшихся секунд...

– На ковре номер три схватку по баллам со счётом 3 – 2 выиграл борец в красном трико – объявляет судья за столиком, под одобрительные возгласы москвичей, судья на ковре вскидывает мою руку вверх, а Равиль, сунув мне свою ладонь для обязательного рукопожатия (на, поддержишь) и даже не взглянув в мою сторону, уходит с ковра.

Первым поздравляет меня тренер.

– Молодец!

С почином! Хорошо ты его наказал...

Я знаю, что я молодец, но также я знаю, что без определённой доли везения тут не обошлось, ведь мы с Игорем Васильевичем понимаем насколько вся эта моя затея была авантюрой. Этот детский контрприём, на который я поймал Ра-виля знают все моло – мальски посвящённые в борцовские дела, и Равиль, конечно же, тоже хорошо знает его, но мой расчёт на то, что в первую долю секунды его победы (как ему казалось), такой тяжёлой и такой желанной его победы он потеряет голову сработало.

А могло и не сработать...

.....
Потом были ещё два дня тяжёлых схваток, но я, как сле-

дует «продышавшись» в первой, вошёл в «рабочий» режим турнира и раз за разом приближал себя к заветному пьедесталу.

И к последнему, финальному дню турнира из сорока с лишним борцов в нашем весе осталось трое: я, парень из Новосибирска и долговязый киевлянин. Киевлянина я в серьёз не брал, я видел, как через весь турнир его тянули за уши: сначала под него явно лёг львовский мальчик (лёг так неумело-откровенно, что даже был освистан публикой), потом на следующий день к нему на схватку просто не вышел ещё один член их киевской команды (вроде бы снялся с соревнования из-за травмы), и таким образом этот долговязый совершенно незаслуженно получил две чистые победы в свой актив, да и там где ему пришлось бороться, ничего выдающегося я у него не заметил. А вот сибиряк честно отпахал своё до финала. Кстати, он тоже выиграл у Айсина (который, по-моему, так и не оправился до конца от поражения в нашей схватке), и выиграл довольно убедительно, оставив его на четвёртом месте без медали. Поэтому, только он немного тревожил меня в последний день.

.....

Финал.

В нашем весе предстояли всего две схватки. Так как киевлянин и сибиряк встречались между собой во время турнира (странно, но их схватку я почему-то просмотрел), то тот их поединок шел им уже в зачёт и в финале, а мне предстояло

побороться с ними обоими.

На первую схватку вызвали меня и новосибирца. Схватка была трудной, но всё пошло по задуманному. Поймав сибиряка на «ломок» и заработав два выигрышных очка, я вынудил его отыгрываться, и дальше работая вторым номером, просто ждал его рискованных, плохо подготовленных выпадов, на контратаках которым ещё заработал несколько выигрышных балов. Короче, получилась рабочая, заслуженная победа по баллам.

А на киевлянине я неожиданно споткнулся.

На киевлянина я выходил, будучи уверенным, что всех девяти минут борьбы не будет, и я положу этого долговязого (на целую голову выше меня) где-то во втором периоде.

Но...

В первом периоде недостаточно плотно войдя в захват для броска через спину, я не сумел затащить на себя эту «каланчу» и оказался в партере снизу и там мы провозились весь период. Так что в первом периоде борьбы как таковой толком и не было, киевлянин, накрыв меня, сам ничего не делал, а просто продержал меня внизу. Конечно, судья на ковре мог бы, и поднять нас в стойку, но он почему-то этого делать не стал, и это была далеко не последняя судейская странность в этой схватке (не зря ведь потом московская команда подавала протест на судейство в этом поединке).

Второй период.

Я решительно иду на середину ковра (пора «брать быка за

рога»). Сразу после свистка иду вперёд, напирая, план простой: войти на этот раз хорошенько в захват, бросить... и дожать, если потребуется. Но, не тут-то было, к моему удивлению киевлянин довольно умело защищается, опасно контратакует («что-то я не доглядел у этого долговязова»), и схватка приобретает характер бескомпромиссной рубки...

Наша схватка последняя на этом турнире, и весь зал, уже в ожидании награждения победителей и торжественного закрытия соревнования наблюдает за ней. У киевлянина большая поддержка на трибунах (что тут поделаешь: не любит провинция нас, москвичей, и каждое его удачное действие сопровождается многочисленными криками одобрения), а за меня болеют только наши, но тоже болеют не слабо.

Раздёргав и запутав киевлянина, рывком за руку перевожу его в партер (один – один), сразу беру его руку на «ключ», как учили, и тут же, преодолевая его сопротивление, переворачиваю его на спину (три один в мою пользу). Но удержать его в опасном положении не получается. Этот глист выскальзывается, выворачивается, и тут же залезает на меня сверху, и теперь уже только три – два.

Ладно, «ещё не вечер», как говорят.

Под конец второго периода судья на ковре даёт моему противнику очень сомнительные два выигрышных бала (технического действия с его стороны как такового не было, была лишь попытка проведения приёма). Моему возмущению нет предела, но моё дело бороться, с судьёй во время схват-

ки спорить нельзя, за это могут дисквалифицировать. Но вся московская команда кипит в негодовании, Игорь Васильевич громко протестует и получает предупреждение от судьи за столиком с угрозой удаления его из зала. Счёт становится четыре три в пользу киевлянина. Злость на несправедливое судейское решение только распаляет меня, и я бросаюсь на штурм этой, такой неудобной для меня «каланчи». На последней секунде периода я сажаю противника в партер, и мне опять не дают выигрышный бал (якобы техническое действие было зафиксировано уже после гонга)... На минутный отдых я ухожу в свой угол, уже понимая, что судейство в этой схватке на стороне киевлянина.

Весь минутный перерыв Игорь Васильевич провёл у судейского столика, что-то доказывая обоим судьям отчаянно жестикулируя и волнуясь, но без результата – счёт на табло остался прежним: четыре – три в пользу киевлянина.

Третий период.

Я иду к центру ковра понимая, что выигрывать нужно явно, победу с разницей в бал или два запросто могут украсть, а схватка финальная, за золотую медаль, и борьбы осталось последние три минуты... Так что за дело.

Этот длиннорукий и длинноногий киевлянин, да ещё с его низкой стойкой – очень неудобный мне противник, и сейчас, когда он, видимо, решил просто удержать своё минимальное преимущество в один бал задача поймать его на бросок почти нереальная. Навязывая ему борьбу на руках, я постоянно

ищу возможность пройти в корпус, но он очень умело уходит от обострения и даже сам порой пытается атаковать. По хорошему, судье на ковре давно следовало бы дать ему предупреждение за пассивное ведение борьбы, а мне выигранный бал, но только не в этот раз, как я понимаю.

Страсти, разогретые за два первых периода, начинают раскаляться до предела. Публика в зале громко гонит нас друг на друга, борьба без бросков и обострений ей не интересна.

Неожиданно, киевлянин проходит мне в ногу, подняв возторженные крики в украинской команде, и мне ценой невероятных усилий удаётся разорвать захват его цепких рук, не отдав ему ещё один бал. Я слышу возглас разочарования украинцев и подбадривающие крики наших. Но сил у меня всё меньше и меньше, и всё меньше и меньше остаётся времени на борьбу. Практически только на спортивной злости иду на отчаянный штурм, швунгую его на грани фола, пытаюсь вывести его из комфортного равновесия его низкой стойки... Киевлянин тоже устал, он тяжело дышит, он гнётся под моим натиском, пытается оторваться от меня, уйти от этой плотной борьбы и передохнуть... Но я давлю, давлю его к коврику, пытаюсь посадить его на колени... И тут я резко отпускаю его и одновременно ныряю ему в ноги, а киевлянин, по инерции выпрямляясь, невольно пропускает эту мою неожиданную атаку. Схватив в охапку бедра киевлянина, я с трудом, но всё же вытаскиваю его на «второй этаж» и те-

перь, когда главное сделано, нужно просто, подработав его там наверху, как следует припечатать к ковру.

Зал в предвкушении красивой развязки взрывается в неистовым восторге.

А я, таская по ковру на себе этого верзилу, из последних сил пытаюсь, как следует перехватить руками его бедро и тело, что бы поставить жирную точку в этом поединке, но киевлянин вертится у меня на плече как уж под вилами и не даётся.

Я чувствую, что сжигаю последние силы, мне предательски не хватает воздуха, в глазах начинает темнеть, всё тело становится какими-то чужим, ватными и... киевлянин выскальзывает из моих рук.

Будто замедленное кино, опустошённо, сквозь пелену какого-то тумана смотрю я, как он делает шаг в сторону от центра ковра, выпрямляется и победно смотрит на меня. Сил бороться у меня уже просто нет. Я знаю, что теперь он спокойно достоин оставшиеся секунды поединка и выиграет...

Сказать что я разочарован – это ничего не сказать.

Обида на моё полное бессилие, на то, что так глупо отдал схватку, на ангажированное судейство душит меня, я изо всех сил пытаюсь не разревется прямо там, на ковре и свисток судьи к окончанию поединка воспринимаю как спасение...

.....
Скорый поезд Киев – Москва уносит нашу команду до-

мой, в Москву. В вагоне обычная, посадочная движуха уже затихла: все распределились по своим местам, проводница уже прошла по вагону, собрала билеты и раздала постельное бельё, а теперь гремит стаканами у себя в рабочем купе (значит – скоро будет чай).

Я один, мои соседи по купе Толик, Стас и Валерка ушли к соседям и я, наслаждаясь такой редкой тишиной, безучастно наблюдаю, как за окном мелькают бесконечные поля, перелески, речки, какие-то полустанки, белые мазанки украинских деревень. День подходит к концу, и вся эта красота, как-то по особенному притягательна в косых лучах заходящего солнца. Мерный стук колёс и постоянно меняющаяся картинка за окном убаюкивают...

В купе заходит Игорь Васильевич.

– Как устроились?

– Нормально.

– А ты что один?

– Ребята пошли в купе к Борману играть в карты.

– А ты что не пошёл?

– Не хочу...

Игорь Васильевич присаживается напротив.

Помолчали...

– Ну что ты так расстроился? Второе место – это тоже результат. А свой магнитофон ты ещё выиграешь (чемпионам всех весов организаторы подарили по магнитофону).

– Да причём тут магнитофон?! – я даже не сумел скрыть

своей досады.

Игорь Васильевич выдерживает паузу.

– Да пойми же ты, тут уже дело политическое. Ну, никак не могла Украина (в Киеве!) проиграть в финале какому-то москалю...

Ну просто, никак не могла и всё тут...

Я не очень понимаю, зачем Игорь Васильевич приплёл сюда политику, борьба – это просто спорт, а в спорте всё должно быть честно.

Впрочем, мои юношеские иллюзии насчёт честности в спорте уже не впервые трещат по швам...

– Игорь Васильевич, а я на Союз в этом году уже не попадаю?

Тренер смотрит мне прямо в глаза и, кажется, начинает понимать, что творится у меня душе, что гнетёт меня последнее время. И вдруг, как-то особенно твёрдо объявляет мне.

– На Союз ты поедешь обязательно, это я тебе обещаю.

Я тренеру верю, главная мечта этого года опять обретает очертания реальности, и я невольно улыбаюсь ему в ответ.

– Я тебе это обещаю. – Повторяет он. И после паузы. – Давай не раскисай тут. Приходи в восьмое купе, там сейчас ребята устраивают чаепитие, режут киевские торты на всю команду.

.....

Тёплый, солнечный сентябрь 1972 года, город Новогорск. Спортивные чиновники задумали провести в стране гран-

диозный фестиваль спортивной борьбы в городе Баку в ноябре. По задумке организаторов пятнадцать союзных республик плюс Москва и Ленинград должны выставить на этот спортивный праздник по три команды борцов (юношей, juniоров и взрослых) в каждом из трёх видов спортивной борьбы (вольная, классическая и самбо) и называли это мероприятие кубком СССР. По этому поводу московская федерация спортивной борьбы срочно организовала на спортивной базе олимпийского резерва в Новогорске смотр всех своих сил, собрав в одном месте девять своих сборных команд на оздоровительно – тренировочный сбор. Нельзя сказать, чтобы мы там сильно упирались, скорее наоборот: утром необязательная индивидуальная зарядка, днём ковёр, а вечером, как правило, футбол на свежем воздухе, и опять же, по желанию – не хочешь бегать – сиди в холле у телевизора или в номере с книжкой. Кормили отменно, на ковре тренера сильно не грузили – не жизнь, а лафа...

Вот и сегодня Серёга Корнилаев, Сашка Соловьёв и я, все трое с пятьдесят пятого года рождения, члены юношеской сборной Москвы по вольной борьбе сидим перед ужином в номере у «Соловья» и убиваем время игрой в карты. Ласковое осеннее солнце приятно греет, греет «без фанатизма» как летом. С улицы через открытое окно слышны крики азартных футболистов.

Сашка на правах хозяина банкует.

– Лёх, и как тебе сегодняшний спарринг с самбистом?

– Да никак. Если такие у них чемпионами Москвы становятся, то самбо – это полуборьба какая-то...

Здесь, в Новогорске я подружился с чемпионом Москвы по самбо Ильёй, парнем моего веса и сегодня на ковре мы с ним попробовали друг друга. Я (для удобства партнёру) надел его самбовку, а он моё трико и каждый из нас боролся в свою борьбу, хотя борьба-то в сущности одна и та же, просто каждая со своими нюансами. Нужно сказать, что я остался разочарован уровнем мастерства этого чемпиона Москвы, у нас, у вольников, он на Москве, пожалуй, и в пятерку лучших не вошёл бы...

– Да, – соглашается со мной «Соловей», – ты им, кажется, весь ковёр сегодня вытер.

– С самбистом главное – не попасть на болевой, всё остальное – дело техники.

– И подсечки у них хорошо получаются. – Вставляет Сергей.

– Подсечки? Да. – Соглашаюсь я, – это у них тоже неплохо отработано.

– А ты, чего своего чемпиона не проверишь? – Обращается «Соловей» к Корнилаеву.

– Да... – Отмахивается всегда серьёзный Серёга. – Мне – то это зачем?

– Кстати, – Сашка бьёт мою карту. – А ты прав. Вон Сободырёв, тяж из ЦСКА, какие физические данные, а по мастерам на Союзе выше пятого места ни разу не поднимался.

А стоило ему из вольной перейти в самбо, так сразу и чемпионом СССР стал, и мир выиграл...

Вялая игра без интереса не зажигает, но встать и уйти – это значит развалить всю игру, да и делать реально нечего...

– Слушай, Лёш, а почему тебя не было на союзе в этом году? В твоём весе никого достойного и не было, единственный мальчик, что и стал чемпионом, был неплохой, а больше никого... Уж в тройке ты там точно был бы.

Я болезненно пожимаю плечами. Сказать мне нечего. Сашка, не подозревая того, задел очень чувствительную для меня тему. То, что Игорь Васильевич не сдержал своё слово и не сделал мне вызов на первенство страны, было мне тогда непонятно и обидно. Непонятно мне было и то, почему вдруг Игорь Васильевич перестал вообще замечать меня на тренировках, хотя до этого много индивидуально работал именно со мной. Тогда я ещё не знал, что в чистый спорт опять вмешалась это самая политика. Не знал я, что, заполняя в сборной анкету, в графе «твой тренер» следовало обязательно написать и фамилию давно уже лично не тренировавшего нас главного тренера нашего спортивного общества – Александра Петровича Соловова, а не только Игоря Васильевича Смородинова...

.....

Воспоминания из моей далёкой спортивной юности всегда греют меня своей грустью, как греют воспоминания о близком и дорогом тебе человеке, но, увы, уже покойнике...

Мир спортивной борьбы...

Это особый мир.

Это мир настоящих мужчин (а не этих бессмысленных «додиков», что наводнили всё вокруг, и у которых с настоящими мужиками только-то и общего так это штаны и что в штанах). Мир спортивной борьбы – это мир постоянной тяжёлой физической работы по строительству своего тела, дающий ежедневные осязаемые результаты, работы на пределе возможного, такой работы, когда, после тренировки нет сил просто встать с ковра и пройти в душ... Это мир постоянного волевого преодоления себя, своей лени, боли от бесконечных травм, это мир ежедневных открытий и достижений в удивительной науке, науке всевозможных телодвижений, где нет (и не может быть) предела совершенству. Это мир сумасшедшего адреналина соревнований, в котором (если всё получилось) ты стоишь на пьедестале после нескольких дней изнурительных схваток, и в твою честь, в честь тебя, победителя, играет туш, а какой-нибудь в прошлом заслуженный мастер одевает в это время тебе на шею медаль... В конце концов, это мир приятных бонусов в виде частых сборов и разъездов по разным городам и весям, где всё за тебя предусмотрели старшие товарищи...

Как так получилось, почему так вышло, что я выбыл из той комфортной для меня среды спортивной состязательности? Почему я не состоялся как спортсмен? Я часто задавался этим вопросом.

С одной стороны всё просто. Получив в восемнадцать лет свои три года за попытку перехода государственной границы, я сошёл с дистанции, освободив дорогу тем, кто шёл за мной.

Но ведь и в Беларуси (где я отбывал свой срок) у меня была возможность и как-то тренироваться, и даже выступать. Да и в двадцать один год, по возвращении в Москву, было ещё совсем не поздно вернуться на ковёр...

В конце концов, я мог бы состояться в мире спорта в амплу тренера (я уверен – из меня получился бы хороший тренер) и реализовать все свои спортивные амбиции в своих учениках. Но и учёбу в институте физкультуры, и тренерскую практику я забросил ради подвернувшихся больших заработков... Помню как-то встретил я на Большой Колхозной (нынче это опять Сухаревская) своего одноклубника Валерку Лебедева, парня моего веса, который к тому времени, уже будучи мастером спорта по трём видам борьбы, был профессиональным спортсменом. В разговоре коснулись темы его денежного довольствия, и выяснилось, что примерно столько же, сколько тогда ему платило Динамо в месяц, я мог заработать в удачный день... Так и разошлись с ним, завидуя друг другу (он моему достатку, а я его спортивной карьере).

Сейчас я склонен думать, что это Господь увёл меня из спорта.

Увёл, чтобы не тешил, не возвращивал я свою гордыню. Чтобы не ходил сегодня с титановыми суставами (как из наших

тот же Валерка, Толик Пузатиков или Назым Люкманов, да мало ли ещё инвалидов от спорта таскаются сегодня по врачебным кабинетам). Наш тренер Игорь Васильевич часто повторял: «Физкультура лечит, а спорт калечит» (кстати, тоже с двумя титановыми тазобедренными суставами). Но главное, я думаю, останься я тогда в спорте, в «лихие девяностые» затащили бы меня в какую-нибудь группировку, да и грохнули бы где-нибудь на очередной стрелке... Как грохнули Сашку Соловьёва (расстреляли из автомата «среди бела дня» у выхода из Краснопресненских бань, расстреляли вместе с малолетним сыном). Как потом перестреляли почти всю его коптевскую бригаду. Как поубивали больше десятка человек только из нашего спортивного клуба...

Но я не наборолся...

Я, как будто не наевшись, вышел из-за праздничного стола, и это чувство неудовлетворённости сидело во мне всю мою последующую жизнь. Отсюда и вся эта неуместная борьба после пьяных посиделок на чьей-нибудь даче, среди грядок с зеленью, а то и просто в офисе, среди столов, компьютеров и пустых бутылок...

Да, не наборолся...

Но я так странно устроен, что начиная новое дело, я на первом этапе делаю потрясающие успехи, успехи, которые заставляют профессионалов этого дела ахать от удивления, но потом, не дождавшись действительного результата (результата, ради которого и стоило всё затевать) я остываю и

по тем или иным причинам (и чаще без сожаления) бросаю начатое...

Например, мне всегда был интересен процесс познания (причём, в любых, самых разных сферах), я никогда не мог пресытиться этим процессом, мне всегда хотелось узнать что-то ещё, ещё глубже копнуть тему. И за свою долгую жизнь я, поступив в шесть различных учебных заведений (в три разных техникума и в три института) я все их, по разным причинам, бросил, закончив с горем пополам только один техникум.

Или вот предпринимательство.

Когда Горбачёв затеял в стране свою перестройку, один из первых кооперативов в нашем городе был мой (регистрационный номер – 26), и на первых порах наш проектно-строительный взлетел как ракета (достаточно сказать, что менеджмент ПИКа, того самого, что обустривает сегодня половину Москвы, открыв свой первый магазин по продаже строительной техники и инструментария на Грайвороновской, смотрел мне в рот, как одному из самых своих «сладких» постоянных покупателей). И что? Через пару лет работы в режиме 24 x 7 я совершенно спокойно, без сожаления отдал всё созданное в чужие руки...

А три моих правильных брака, и один неправильный?..

Да мало ли за что я брался по жизни и, заставив всех вокруг поверить в то, что это всё всерьёз и надолго, потом просто бросал...

Но со спортом не так.

Спорт – это действительно моя неспетая песня...

Спорт – это действительно моя печаль...

Мир спортивной борьбы...

Я перебираю в памяти «вольников», прославивших московскую федерацию своими спортивными достижениями, с кем довелось попотеть на ковре.

Заслуженный мастер спорта СССР Роман Дмитриев, олимпийский чемпион, показывавший нам, тогда, в сущности, ещё мальчишкам приёмы национальной якутской борьбы Хапсагай... Олимпийский призёр Геннадий Страхов, стокилограммовый громила с тридцать девятым размером обуви... Правдуруб Зэнди Аласханов и чеченец Хасан Арцуев (не многим старше нас, призванный на срочную в ЦСКА и ставший в последствии чемпионом мира)... Мой одноклассник Серёга Корнилаев, ставший четырёхкратным чемпионом мира и так досадно споткнувшийся на московской олимпиаде об какого-то итальяшку... Сашка Соловьёв (мой год и мой вес, с кем когда-то рубился на Москве) тоже рано отвалившийся, но, тем не менее, успевший взять Европу...

А ещё абхазец Журулия, призёр спартакиады народов СССР, а ещё татарин Ингильдиев, чемпион Европы, или его земляк – мой первый тренер, неоднократный чемпион Москвы Шамиль Тагирович Невретдинов...

Сейчас я абсолютно уверен в том, что если бы вся моя жизнь (а не только юношеские годы) прошла среди таких

людей, я бы точно был доволен своей судьбой. И титановые колени сейчас мне представляются вполне себе допустимой платой за такую жизнь...

Глава 5

«ГОРОДСКИЕ АКВАРЕЛИ»

– № 1 –

Июньский дневной зной плавит асфальт и мой мозг, солнце слепит (за всю свою долгую жизнь и почти сорокалетний стаж вождения я так и не привык к солнцезащитным очкам). Мы медленно ползём в этой, кажется, бесконечной пробке по Краснопрудной, и я, изнывая от палящей духоты и загазованности, невольно размякаю, бдительность притупляется, чувство реальности тает в этом солнечном мареве, все мои движения становятся чисто механическими, мысли блуждают в каких-то других сферах, и управление моим автомобилем переходит в разряд автопилота.

Потеряв в какой-то момент контроль над дорожной ситуацией, я чуть не въезжаю в зад переднему «корейцу», но всё же, успеваю затормозить в самый последний момент («мастерство не пропёшь!»). Испуганно перевожу дух («Спасибо тебе, мой ангел!»), понимая, насколько всё было бы плохо для меня сегодня, ударюсь я в это ржавое корыто. Кажется, водитель «корейца» тоже заметил мой неловкий манёвр и занервничал: насколько смог сдал вперёд, вышел из маши-

ны, якобы для того, чтобы что-то достать из багажника, а в действительности просто осмотрел сзади свою развалюху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.